

ГЕОГРАФИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Автор: Д. Б. ОРЕШКИН, Д. Д. ОРЕШКИНА

Интуитивно понятно, что выборы в Чеченской Республике проходят в иной социокультурной обстановке, нежели выборы в Москве или в Мурманской области. Даже если речь идет о федеральных выборах, опирающихся на стандартную нормативно-правовую базу, реальный политический климат настолько разнообразен, что общие требования закона выполняются (или не выполняются) по-разному.

Как зафиксировать и измерить эти различия, не впадая в грех экспертного произвола? Насколько едина страна в своем понимании выборов как политической технологии, призванной обеспечивать смену лиц и групп, наделенных властными полномочиями? В каком направлении идет процесс - к росту мозаичности или, наоборот, к формированию единого поля правовой и политической культуры? При ответе на эти вопросы, очевидно, необходимы строгие количественные оценки.

Терминология и метод выделения территорий с особой электоральной культурой

Под особенностями электоральной культуры мы подразумеваем устойчиво отличные от фона условия подготовки и проведения выборов, нашедшие выражение в данных электоральной статистики. Фоном считаются средние по России значения электоральных показателей. Территории, где подобные отклонения проявляются систематически, мы называем "территориями с особой электоральной культурой". В понятие электоральной культуры включается так называемый "административный ресурс", или "управляемость электората", то есть способность власти добиваться нужных ей электоральных результатов, а общества - покорно принимать эти правила политического быта.

Иными словами, мы не ставим целью непременно "схватить за руку" фальсификаторов или *a posteriori* очистить "истинные" результаты от наслоений, связанных с использованием незаконных или полузаконных средств влияния на выборы. У нас иная цель: вслед за Н. Петровым и А. Титковым [Петров, Титков, 2000; 2005] считая пресловутый "административный ресурс" одним из элементов комплексного "электорального ландшафта" (в нашей терминологии - "электоральной культуры"), мы хотим найти способ измерить и положить на карту эти ландшафтные черты. В качестве фактологической основы нами была использована электоральная статистика по территориальным избирательным комиссиям (ТИК), предоставленная Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и Федеральным центром информатизации по результатам семи федеральных выборов с 1995 по 2004 г. (выборы в Государственную думу 1995, 1999 и 2003 гг., два тура выборов Президента России в 1996 и выборы Президента России 2000,

О р е ш к и н Дмитрий Борисович - кандидат географических наук, руководитель группы МЕРКАТОР Института географии РАН.

О р е ш к и н а Дарья Дмитриевна - стажер-исследователь Института географии РАН.

2004 гг.). Для обеспечения унифицированности семи электоральных баз данных за разные годы были введены некоторые ограничения:

- исключены данные по одномандатным округам во время выборов в Государственную думу;
- исключены данные по Чеченской Республике, которая не принимала участие в выборах в 1999 г.;
- исключены данные по зарубежным участкам, участкам на судах, находящихся в плавании, а также по ТИК, находящихся вне территории России (например, Байконур);
- электоральные базы данных по каждому избирательному циклу обработаны таким образом, чтобы в каждую избирательную кампанию число территориальных избирательных комиссий оставалось одинаковым (2639). Хотя в действительности число ТИК от выборов к выборам немного меняется в зависимости от локальных изменений численности избирателей.

Затем электоральная база данных была привязана к картографической основе, где каждая территориальная избирательная комиссия отображена в виде подведомственной ей территории. Не выражающиеся в масштабе карты городские ТИК показаны внемасштабными значками. ТИК Москвы и Санкт-Петербурга даны на врезках.

Подбор статистических параметров, способных реально характеризовать электоральную культуру каждой ТИК, заключался в следующем. Прежде всего необходимо было выбрать набор показателей, способных прямо или косвенно зафиксировать необычное поведение участников избирательного процесса, отличающее данную территорию от фоновых значений. Например, необычно высокая или необычно низкая явка, необычно высокая монолитность голосования (победитель получает удивительно много голосов по сравнению с прочими кандидатами), повышенная или пониженная по сравнению с нормой доля недействительных бюллетеней и т. п.

Предполагалось также, что, если в некоторых ТИК такие отклонения по ряду показателей носят систематический повторяющийся характер, мы имеем право сделать вывод о наличии некоего постоянно действующего фактора, смещающего данную ТИК в сторону от большинства других. Если же похожие отклонения наблюдаются в целой группе ТИК, то можно говорить о наличии определенного множества территорий, характеризующегося близкими отклонениями в электоральной культуре. Если это множество выглядит на карте не как случайно разбросанные отдельные пятнышки, а как компактное поле примыкающих друг к другу территорий, то появляется основание говорить об ареалах "особой культуры", анализировать их географию и отношение к политическим, этническим, расселенческим социальным структурам.

При выборе оценочных параметров, чтобы обеспечить единообразие методики, необходимо было учитывать следующие факторы. Во-первых, это наличие некоего параметра в электоральной статистике всех избирательных кампаний. Например, пришлось исключить такие яркие показатели, как "количество недействительных бюллетеней, поданных досрочно за выбывшего кандидата" и "количество недействительных бюллетеней, содержащих более одной пометки" из-за того, что в электоральной статистике за 1995 - 1996 гг. этих показателей не содержится.

Во-вторых, требовалось учесть относительно невысокую корреляцию между показателями. Очевидно, все процентные соотношения как-то коррелируют между собой, поскольку в сумме составляют 100%, но если корреляция слишком высокая, то интегральный показатель в силу специфики методики слишком сильно искажается в сторону такой пары коррелирующих показателей. По данному признаку был исключен параметр "отрыв лидера от ближайшего преследователя", который характеризует монолитность голосования. Корреляция между этим показателем и долей голосов, поданных за лидера в среднем по семи кампаниям составила 0,95. Также был исключен показатель "сумма доли голосов, отданных лидеру и ближайшему преследователю", так как корреляция этого показателя и доли голосов "против всех" во втором туре 1996 г. оказалась равной равна 0,85. То есть *de facto* на карте электоральной культуры для второго тура 1996 г. отражались только эти два показателя, а остальные параметры вносили лишь частные незначительные изменения.

В результате были отобраны следующие формальные показатели, выраженные в процентах по каждой ТИК:

- повышенная (или пониженная) явка на избирательные участки. Данная характеристика была выбрана, так как высокую явку традиционно связывают с воздействием административного ресурса. Чрезмерно низкая явка указывает на прохладное отношение администрации к выборам или даже на желание их "провалить", если они не отвечают ее интересам;

- суммарная доля всех недействительных бюллетеней - как слишком высокая, так и слишком низкая. Избыточно высока она там, где, возможно, происходит противозаконная порча бюллетеней, отданных нежелательному кандидату. Неестественно низка она там, где избиратель или феноменально внимателен, или кто-то помогает ему сделать "правильный" выбор, вбрасывая заранее заполненные бюллетени. В таких бюллетенях ошибок, понятно, нет;

- процент голосов избирателей, поданный "против всех кандидатов", - как слишком высокий, так и слишком низкий. Низок он там, где можно подозревать активную борьбу за административное единодушие, высок - где избиратель по тем или иным причинам протестует;

- доля голосов, отданных победившему в данной ТИК кандидату. Если она очень велика, это характеризует "однаправленность" или монолитность предпочтений избирателей ТИК;

- разница доли голосов, отданных победителю в данной ТИК, и среднего по стране показателя по этому кандидату. Это показатель гипертрофированного регионального патриотизма: местный кандидат на своей территории набирает в разы больше, чем в среднем по стране.

Понятно, что необычное значение каждого из показателей по отдельности может быть обусловлено вполне доброкачественными случайными причинами. Но наша задача - рассчитать индекс, позволяющий выявить ТИК, где отклонения фиксируются по всей совокупности этих сомнительных позиций.

Для расчета единого синтетического показателя (он в дальнейшем именуется "индексом электоральной культуры" или "индексом управляемости электората") был использован разработанный профессором географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. Тикуновым алгоритм, позволяющий получать синтетические характеристики оценочного положения территориальных единиц по единой шкале [Тикунов, 1997]. Алгоритм заключается в следующем. Первоначально данные по каждому из пяти показателей электоральной культуры нормируются относительно среднего арифметического этого показателя. Нормировка дает возможность выразить отклонения всей системы показателей от фоновых оценочных значений (в нашем случае средних арифметических) и тем самым правильнее с содержательных позиций соизмерить их между собой по каждой из 2639 ТИК.

Приведя нормированные показатели электоральной культуры к соизмеримой форме, можно рассчитывать их комплексные значения. Комплексное значение нашего индекса характеризует общее отклонение ТИК от фона за счет того, что чем сильнее каждый из пяти показателей электоральной культуры отличается от своего среднего значения по стране, тем величина суммарного показателя будет больше. Суммарный показатель может быть равен нулю, если весь набор показателей данной ТИК совпадает с соответствующими средними значениями, и может быть равен пяти, если наш набор по всем показателям будет максимально отличаться от фоновых значений России. Таким образом, чем больше сумма, тем хуже синтетическая оценочная характеристика электоральной культуры соответствующей ТИК.

Полученные семь (по каждой избирательной кампании) столбцов комплексных оценок электоральной культуры для каждой ТИК нельзя напрямую сравнивать между собой. Они должны быть дополнительно нормированы. В итоге синтетический показатель электоральной культуры по каждой избирательной кампании 1995 - 2004 гг. у нас варьирует от нуля до 10000 и делает все семь рейтингов сопоставимыми между собой. Ноль соответствует наилучшей комплексной оценке, а 10000 - наихудшей.

Окончательный результат обработки - ранжирование ТИК по индексу электоральной культуры, который может служить количественной основой для дальнейшего картографирования. Интегральный индекс электоральной культуры России, учитывающий сразу все семь выборов 1995 - 2004 гг., был рассчитан по этой же методике. Были взяты все показатели электоральной культуры по всем выборам в совокупности -35 показателей (пять показателей по каждой из семи кампаний).

Индексы электоральной культуры для каждой из семи кампаний и интегральный индекс по всем семи кампаниям были нанесены на карты. Дополнительно была построена карта устойчивости электоральной культуры, на которой показано, сколько раз из семи каждая ТИК попала в категорию территории с "особой электоральной культурой".

Географический анализ

При анализе серии карт электоральной культуры бросается в глаза закономерность географического распределения результатов. ТИК подвергались статистической обработке вне их картографической привязки к тем или иным субъектам Федерации. Логично предположить, что если бы по неким случайным причинам отдельные ТИК выделились повышенной монолитностью голосования, повышенной долей недействительных бюллетеней и т. д., то они были бы более или менее случайно разбросаны по территории страны. Но оказалось, что на всех картах из мозаики ТИК с высоким индексом электоральной культуры явственно складываются очертания северокавказских республик, Татарстана, Башкортостана и некоторых других регионов. Контуры этих субъектов Федерации, хотя их границы не были заложены в механизм расчетов, читаются на всех без исключения картах. Контуры республик Тывы, Мордовии, Кемеровской, Орловской, Курской, Самарской областей выделяются на картах отдельных электоральных кампаний.

Очевидно, на территории перечисленных субъектов Федерации действует устойчивый комплекс причин, приводящий к закономерному отклонению данных электоральной статистики от нормальных значений. Только наличием подобного комплекса можно объяснить, почему группа из нескольких десятков ТИК на территории одного субъекта Федерации складывается в компактное темное поле, довольно четко ограниченное административными границами региона.

Из этого факта вытекают три вывода. Во-первых, подтверждается рабочая гипотеза о том, что в составе Российской Федерации есть ряд субъектов, отличающихся "особой электоральной культурой". Во-вторых, предложенная нами методика позволяет корректно и с минимальной субъективностью выделять и картографировать такие регионы. В-третьих, можно предположить, что определяющая роль в формировании феномена "электоральной культуры" все же принадлежит управленческим традициям региональных элит: с выходом за пределы их административной компетенции (в соседний субъект Федерации) "электоральная культура" часто скачкообразно меняется.

Впрочем, это - тема для отдельной дискуссии. На картах видны и крупные межрегиональные ареалы "особой электоральной культуры": Поволжско-Уральский (Башкортостан-Татарстан-Мордовия и др.), Северо-Кавказский (Дагестан-Калмыкия-Ингушетия-Северная Осетия-Кабардино-Балкария-Карачаево-Черкесия), Южно-Сибирский (Тыва-Кемеровская обл.). В этих случаях можно говорить об устойчивых социокультурных феноменах, более глубоких, чем привычки и традиции отдельно взятых республиканских нотабилитетов. Важно, что эти ареалы весьма устойчивы во времени. Они с большей или меньшей выразительностью зафиксированы на всех федеральных выборах, данные которых просчитывались по описанной методике.

Наряду с контрастными границами между "фоновыми" и "особыми" ареалами, налицо и целый ряд плавных переходов от зоны с максимальными значениями индекса к средним его значениям и далее - к фоновому уровню. Иными словами, административные границы субъектов Федерации играют в географии электоральной культуры важную, но далеко не исчерпывающую роль. Ярче всего пограничный контраст проявляется там, где контактируют две четко выраженные электоральные культуры: например, между "особым" Башкортостаном и соседней "фоновой" Челябинской областью.

В то же время внутри ареалов с самой высокой степенью управляемости встречаются ТИК с относительно независимой манерой поведения - как правило, это городские ТИК или такие, где город играет доминирующую роль в общей структуре населения. Это вполне вписывается в неоднократно отмеченные ранее А. Березкиным, Л. Смирнягиным и рядом других исследователей закономерности электорального поведения города и села, со значительно большей электоральной управляемостью последнего. Иначе говоря, интегральная карта электоральной культуры демонстрирует вполне объяснимые и географически понятные закономерности пространственного распределения данного феномена. Что позволяет говорить о научной содержательности предложенного понятия, методов его оценки и картографирования.

Если карту генерализовать до уровня всех субъектов Федерации, то география электоральной культуры окажется близкой к географии "демократичности", как ее представляли Н. Петров, А. Титков и другие исследователи на основе экспертных оценок [Петров, Титков, 2000; 2005]. В то же время проявляются и существенные отличия: в число "управляемых" территорий неожиданно попала Москва, которую еще недавно было принято считать образцом свободного и демократического голосования, а также значительная часть сырьевого Севера и Северо-Востока страны.

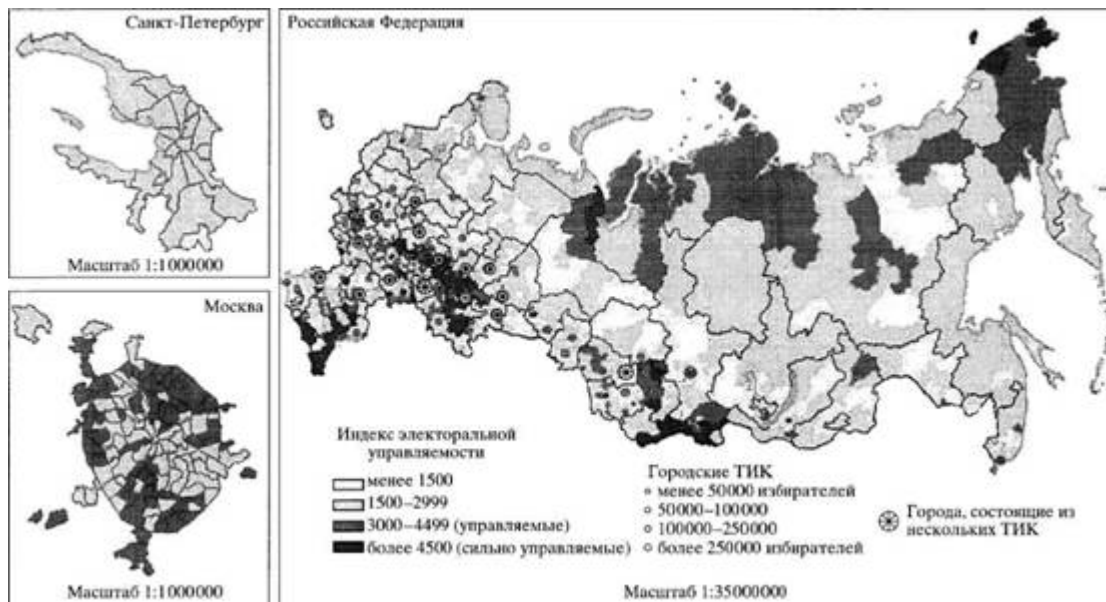
Можно предположить, что автоматизированные методы расчетов освобождают результаты от осознанной или неосознанной инерции мышления, свойственной экспертным оценкам. Если эксперты по привычке склонны ставить Москве и "северам" высокие баллы в условной шкале демократичности, то формальная статистика этим соблазнам неподвластна. В результате карта электоральной культуры России, составленная на основе расчетов, выглядит более сложно и уже не может интерпретироваться по аналогии с простой природной зональностью типа "свободный Север - управляемый Юг".

Реальная ситуация, как видим, существенно сложнее. Ее выявлению способствовала и более дробная основа картографирования, благодаря которой стал виден тип электорального поведения ряда сельских ТИК на севере страны, который ранее маскировался преобладающим там числом городских избирателей.

Отнюдь не все республики Российской Федерации вошли в список территорий с повышенной "электоральной управляемостью". Так, в Карелии, Удмуртии, Коми, Хакасии признаков чрезмерной лояльности избирателей моделью не обнаружено. Дело, видимо, не в формальном статусе региона (республика, автономный округ, край или область), а в политической и социокультурной ситуации, которая поддерживается не только традицией, но и политическими ресурсами региональных нотабилитетов. Более того, "роль элит в истории" кажется заметно недооцененной теми, кто склонен объяснять повышенную электоральную управляемость объективными характеристиками регионального социума. Иначе, почему столь резко выделяются на фоне окружающих территорий такие регионы с "особой электоральной культурой", как Орловская, Кемеровская области и Москва, резко контрастирующие с окружающим социокультурным фоном? Представляется, что без учета роли "сильных лидеров" - Е. Строева, А. Тулеева, Ю. Лужкова - и их влияния на электоральную культуру этот феномен не объяснить.

В то же время весьма стабильный пространственный рисунок, за немногими исключениями воспроизводимый из голосования в голосование в течение 10 лет, позволяет говорить о ландшафте "электоральной культуры" как о важной и устойчивой, а потому "объективной" составной части пространственной организации российского общества. Поскольку сроки пребывания у власти сильных региональных элит, будь то группа Строева, группа Тулеева или группа Лужкова, совпадают по продолжительности со временем нашего исследования, невозможно корректно решить, в какой степени повышенная электоральная управляемость региона задается объективными социальными факторами (национальный состав, традиции, религия, информационная прозрачность и свобода СМИ, и т. д.) и в какой мере она объясняется политикой региональных нотаблей.

Регионы - лидеры рейтингов управляемости, для которых уверенно фиксируются отклонения от нормы практически по всему спектру показателей, очерчиваются ясно. "Хвостовая" же часть рейтинга сильно меняется от исследования к исследованию - в зависимости от конкретных выборов. В интегральном списке она размыта (см. карту 1). Важно, однако, что в эту часть обычно попадают регионы примерно одного типа: "сред-

Карта 1. Территориальные особенности электоральной культуры России (интегральный индекс управляемости).

Рис. 1. Динамика доли управляемого электората.

ние" во всех отношениях области России с преобладанием русского населения, средней урбанизацией, средним уровнем социального и экономического развития.

Какой именно регион из этой обширной группы (общим числом до 40 - 50) наберет минимальную сумму баллов в конкретном рейтинге, зависит от случайного сочетания локальных причин. Вывод, что эти регионы на основе полученных результатов следует отнести к образцам демократического голосования, явно опрометчив. В нашем случае методика строилась таким образом, что в конце списка оказывается не самый демократичный, а "самый средний" регион, в котором отклонения от фоновых величин по всем показателям минимальны. Это важно иметь в виду: шкала оценки электоральной культуры строилась не по оси "управляемость - свобода", а по оси "отклонение от нормы - норма". В какой степени среднероссийскую норму электоральной культуры можно считать "свободой" - большой вопрос.

Подчеркнем, что средние величины вычислялись с учетом всех ТИК, то есть и принадлежащих к особой электоральной культуре тоже. Следовательно, в оценке средних величин, от которых модель определяет отклонения, латентно скрыты в том числе изъяны и "особенности" голосования в кавказских республиках, на Юге Урала и т. д. Наши карты, таким образом, отражают фоновую картину российской электоральной культуры и ареалы, где имеют место отклонения от этого фона в сторону большей управляемости. Насколько демократичны или независимы выборы на фоновых территориях, оказавшихся в конце списка, данный метод сказать не может. Эталона полной электоральной свободы у нас нет.

Динамика электоральной культуры

Общее число "управляемых" ТИК заметно изменяется от выборов к выборам. Темных, то есть с высокими значениями индекса, ареалов больше на тех картах, которые построены по результатам президентских кампаний. Эту же тенденцию отражает и график изменения доли управляемого электората (см. рис. 1). Этот показатель рассчитыва-

ется как процент избирателей, зарегистрированных в ТИК с индексом управляемости выше 3000 (или выше 4500 для доли *сильно управляемого* электората) от общего количества зарегистрированных во время данной избирательной кампании избирателей.

Разумеется, здесь допущено упрощение: даже в самых сильно управляемых ТИК, как правило, есть граждане, голосующие по собственным сценариям, так что считать всех избирателей в таких ТИК управляемыми, вообще говоря, неверно. Но корректного метода вычленения доли свободных избирателей в управляемых ТИК в нашем распоряжении нет. Поэтому пока приходится пользоваться этой грубой оценкой.

Пик "управляемости" пришелся на второй тур президентских выборов 1996 г. (см. карту 2). Это логично: кандидатур было всего две (Б. Ельцин и Г. Зюганов), следовательно, сводилась до минимума альтернативность выбора. Кроме того, региональным элитам и избирателям было уже нетрудно угадать победителя: Ельцин лидировал в первом туре и они понимали, что во втором его победа неизбежна. Нотабилитеты субъектов Федерации, где в первом голосовании победил Зюганов, между турами быстро перестраивались, стремясь продемонстрировать лояльность будущему руководителю страны. Это сопровождалось лихорадочной переориентацией административных методов управления выборами. Следствием данной ситуации стала весьма высокая монолитность голосования во втором туре, увеличившийся отрыв победителя и вообще рост всех формальных показателей, характеризующих особую электоральную культуру.

Наряду с консолидацией региональных нотабилитетов существенную роль играет и сужение альтернативности, характерное для президентских выборов в нашей стране. Победителем становится кто-то один, причем в трех из четырех избирательных циклов было заранее ясно кто. Серьезная предвыборная борьба за пост президента велась только в первом туре 1996 г. Разделились мнения не только избирателей, но и региональных нотаблей.

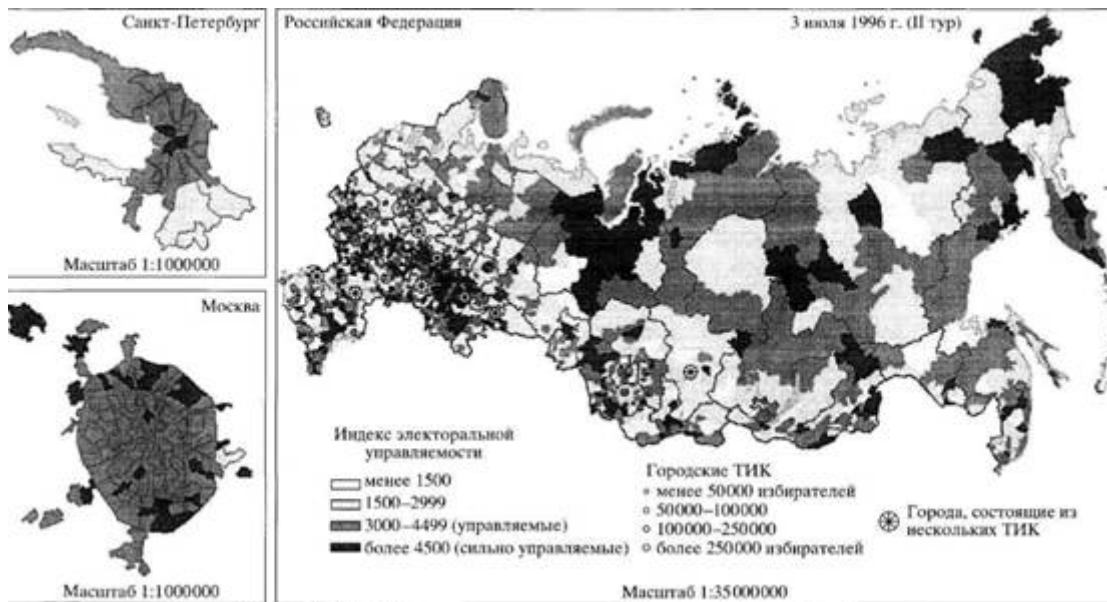
На выборах в Госдуму победителями становятся несколько партий, поэтому и для избирателя, и для региональных элит думские выборы гораздо более альтернативны по сути. Кроме того, интерес избирателей выше к президентским выборам [Арбатская, 2003], разброс экстремальных значений явки, доли голосов "против всех" и остальных показателей, учтенных при расчете индекса, больше по сравнению с думскими выборами. Полученная картографическая модель объективно отражает эти обстоятельства.

Из рисунка 1 видно, что доля управляемого электората имеет общую тенденцию к росту, несмотря на колебательный характер движения. Это, вероятно, объясняется растущей консолидацией административного ресурса, который в отличие от 1990-х гг. сегодня все очевиднее работает на одну партию, предсказуемостью результатов и растущим конформизмом избирателей. Региональные нотабилитеты к своей пользе освоили современные методы управления электоральным процессом, и результаты этого освоения также отражаются в расширении ареала "особой электоральной культуры".

Впрочем, процесс далеко не так однозначен, как видится многим либеральным публицистам: на общем негативном фоне идет заметное снижение активности избирателей и, следовательно, снижение вклада соответствующего показателя в интегральном индексе. В то же время растут доли протестного голосования и недействительных бюллетеней.

Исследование позволяет выделить за 11 лет электоральной истории современной России десять "жестко управляемых" субъектов Федерации (см. табл.). Это Ингушетия, Дагестан, Татарстан, Тыва, Мордовия, Орловская область, Башкортостан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чукотский автономный округ.

Для построения предложенного в таблице рейтинга на уровне субъектов Федерации по каждой избирательной кампании был дополнительно рассчитан индекс особой электоральной культуры, общий для входящих в эти субъекты ТИК. То есть имела место стандартная генерализация данных. Затем семь списков, каждый из 88 субъектов Федерации (Чеченская Республика из расчетов была исключена), были ранжированы. Итоговый рейтинг является нормированной суммой рейтингов по семи кампаниям.

Карта 2. Территориальные особенности электоральной культуры России (выборы Президента России).

Таблица Рейтинг регионов с максимальной электоральной управляемостью

Рейтинг управляемости	Наименование субъекта Российской Федерации	Индекс управляемости (1995 - 2004 гг.)
1	Ингушетия	10000
2	Дагестан	8953
3	Тыва	8596
4	Татарстан	8522
5	Мордовия	7669
6	Кабардино-Балкария	7224
7	Северная Осетия - Алания	6531
8	Башкортостан	6077
9	Орловская область	4954
10	Чукотский автономный округ	4773
11	Адыгея	4346
12	Калмыкия	4026
13	Карачаево-Черкесия	3912
14	Чувашия	3888
15	Кемеровская область	3578
16	Ямало-Ненецкий автономный округ	3504
17	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	3264
18	Москва	2995
19	Белгородская область	2655
20	Курская область	2436

Возвращаясь на уровень ТИК, следует отметить, что лишь 73 ТИК постоянно имеют индекс электоральной управляемости более 3000 на всех семи выборах. Зарегистрировано в этих 73 ТИК около 1,5 млн. избирателей (по данным на 14 марта 2004 г.). К каким субъектам Федерации они относятся? 21 из этих крайне консервативных и зависимых электоральных территорий принадлежит Татарстану (всего в рамках модели в Татарстане зафиксировано 60 ТИК); 18 - Дагестану (всего там 53 ТИК), причем лишь две из этих 18 являются городскими - Ленинская ТИК Махачкалы и Хасавюртовская городская ТИК, остальные - сельские. 14 таких ТИК (из 73 по всей России) принадлежат Башкортостану (всего в республике 68 ТИК); 5 - Тыве (всего там 18 ТИК), в том числе Ак-Довуракская городская ТИК. Таким образом, 1,4% избирателей России непрерывно с 1995 г. на протяжении всех федеральных избирательных кампаний попадают в ареал неизменно жестко управляемых территорий.

Если выделить из них только сверхуправляемые ТИК (с индексом более 4500), то таких окажется всего 14: 8 в Татарстане, 2 - в Дагестане, по одному в Башкортостане, Ингушетии, Тыве и Краснодарском крае. Все эти сверхуправляемые ТИК имеют статус сельских (районных), кроме одной - Судовой ТИК, которая приписана к порту Новороссийска. Легко догадаться, что в эту ТИК входят избиратели, голосующие на борту судов, находящихся в плавании. На судах Новороссийского порта, очевидно, в самом деле царит особая электоральная культура, сходная с культурой сельских регионов Северного Кавказа. Всего в сверхуправляемых ТИК зарегистрированы 225 тыс. избирателей.

Если брать в расчет не все, а только любые шесть избирательных кампаний из семи, то управляемых ТИК становится 167 (из них только шесть городских), а сверхуправляемых ТИК - 58 (из них три городских). В них зарегистрировано 3,3 млн. и 993 тыс. избирателей, соответственно. Не так уж мало, если иметь в виду, что при фоновой явке примерно в 60 млн. человек 3,3 млн. почти абсолютно управляемых избирателей (точнее - бюллетеней) составляют около 6%.

Если же, наоборот, взять ни разу за 11 лет не попавшие в категорию управляемых ТИК, то их оказывается 832. В сумме это 31,6 млн. избирателей (30% от общего числа зарегистрированных в 2004 г.). В самом деле, есть основания считать эту категорию ТИК фоновой. Сравнивая вклады этих категорий избирателей в определение окончательного результата, надо иметь в виду, что "управляемый электорат" по определению

посещает выборы с отменной дисциплиной, тогда как "фоновый электорат" - напротив, особой дисциплинированностью не отличается.

Больше всего таких "фоновых" ТИК (более 20 в каждом субъекте Федерации) в Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Ставропольском краях, Волгоградской, Калужской, Курганской, Нижегородской, Омской, Пермской, Ростовской, Рязанской, Тверской и Челябинской областях. В этих регионах доля голосов, поданных "против всех", доля недействительных бюллетеней, явка на выборы и остальные показатели управляемости очень близки к средним по стране, поэтому ТИК данных субъектов в совокупности можно использовать как эталон среднероссийской электоральной культуры. В некотором смысле это среднероссийская ситуация и в привычном географическом смысле слова: очевидной территориальной закономерности в расположении этих регионов не видно.

Городские избиратели

Важным моментом, который подчеркнул проведенный картографический анализ, является заметное снижение электоральной управляемости в крупных городах при небольшой тенденции к росту количества городских избирателей. Даже в "жестко управляемых" Башкортостане и Татарстане, столицы - Уфа и Казань - с точки зрения электоральной культуры ведут себя как инородные тела. Однако в Дагестане, где города поменьше, большинство из них тоже попадают в категорию "сильно управляемых". Из крупных городов, состоящих из нескольких городских ТИК, в категорию "управляемых" попали лишь Москва, Екатеринбург, Новокузнецк, Красноярск, Владивосток.

Рассмотрим ситуацию с Москвой. Анализируя карты управляемости, легко заметить, что московские показатели (как и показатели большинства других крупногородских ТИК) резко отличаются от средних по стране только на президентских выборах. Горожан, городские власти в целом и москвичей в частности тоже больше волнует президентская, нежели законодательная власть. При этом повышенная монолитность и прочие признаки управляемости здесь направлены в сторону политического выбора, который еще недавно политологи именовали "демократическим" или "реформаторским". Москва, например, очень монолитно и организованно поддерживала Ельцина и Путина - организованнее, чем многие другие города или субъекты Федерации. Можно гадать, таков ли преобладающий настрой избирателей или их подталкивают к этому выборы городские нотабилитеты, но чисто формальный результат не вызывает сомнений: индекс электоральной управляемости на президентских выборах растет.

Эта проблема заслуживает особого обсуждения, которое выходит за рамки данной работы. Пока можно сказать следующее. Не исключено, что в отличие от прямого административного давления, которое обычно обеспечивает управляемость на селе, в супергороде большую роль играют технологии информационного влияния через СМИ. То есть можно предположить, что мы имеем здесь дело с качественно новым механизмом формирования электоральной культуры, характерной уже для информационного общества, описанного М. Кастельсом [Кастельс, 2000]. Если так, то предложенный нами набор параметров, по-видимому, должен будет интерпретироваться по-разному в зависимости от приложения к социокультурной реальности доиндустриального и постиндустриального общества. Но пока, в рамках, установленных данным методическим подходом, видно, что в пяти крупнейших городах, возглавляемых "сильными лидерами", индекс электоральной управляемости подрос.

В большинстве же крупных городов России фиксируются близкие к фону, в целом относительно невысокие величины индекса электоральной управляемости. Устойчивая специфика их электоральной культуры также является подтверждением справедливости нашей рабочей гипотезы. Здесь, с одной стороны, выше доля независимо голосующих избирателей, с другой - лучше представлены политические активисты конкурирующих политических организаций. Это автоматически делает выборы более прозрачными и соревновательными. Иными словами, в крупных и крупнейших городах выборы дей-

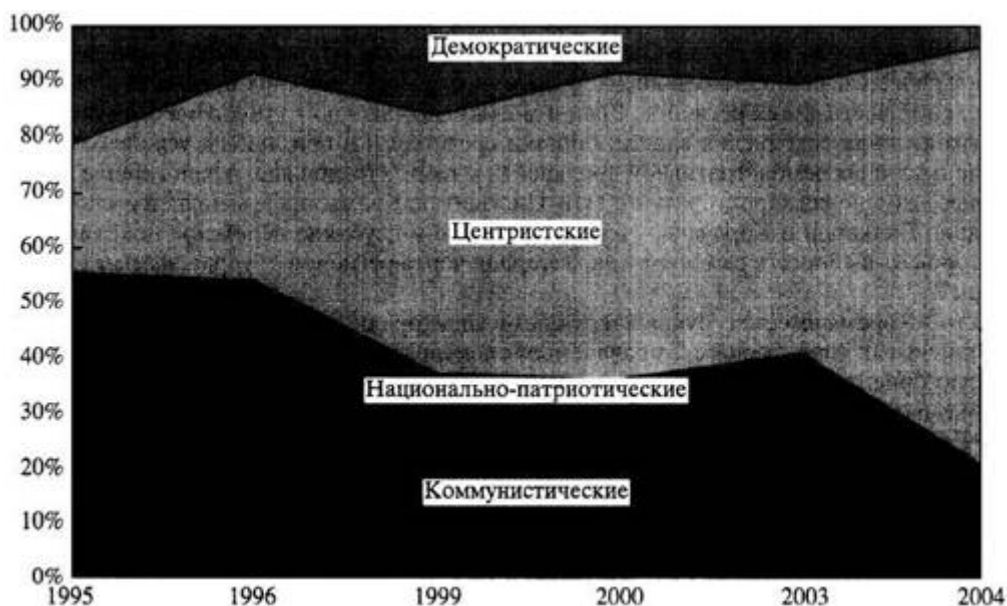

Рис. 2. График изменения предпочтений избирателей России.

ствительно проходят в иной социокультурной обстановке, нежели в провинции. Тем более в провинции национальных республик.

Электоральная управляемость села активно используется нотабилитетами для достижения нужных им результатов, но ресурсы этой управляемости близки к исчерпанию. В условиях явного преобладания городского населения и быстро растущей информационной проницаемости культурного пространства рассчитывать здесь на существенное расширение ареалов "особой электоральной культуры" едва ли есть основания.

"Управляемый электорат" и политические предпочтения

Можем ли мы считать существующий электоральный ландшафт, включая особенности политической культуры, стабильным? Несмотря на очевидное изменение политических предпочтений (иногда на кардинально противоположные) некоторых регионов за исследуемый период, все же просматривается общий устойчивый рисунок географии партийных симпатий. Если сравнить карты лидеров в 1995, 1996, 1999, 2000 гг. и карты "вторых мест" в 2003 и 2004 гг., то легко убедиться, что отдельные субъекты Федерации, в основном национальные республики, стараются голосовать за партию власти - какой она видится им на момент выборов. Особенно это бросается в глаза на примере двух туров выборов Президента РФ в 1996 г.

Наиболее показательна в этом отношении "управляемая" тройка Башкирия-Дагестан-Татарстан. В Дагестане на выборах президента в первом туре 16 июня 1996 г. Зюганова поддержали 63,2% - в два с лишним раза больше, чем Ельцина, и в два раза больше, чем сам Зюганов набрал в среднем по стране. Но ко второму туру президентских выборов (3 июля), через две недели, большинство ТИК Дагестана уже активно выступили за Ельцина. Если в первом туре разрыв в республике составлял 34,7% в пользу Зюганова, то во втором - 7,8%, но уже в пользу Ельцина. Амплитуда изменения в 42,5% всего за две недели между турами в масштабе субъекта Федерации - уникальный случай во всей электоральной истории России. Сходным образом, хотя и не столь круто, за две недели поменяли политическую ориентацию и Башкортостан с Татарстаном.

Это лишнее подтверждение того, что особая электоральная культура не означает верности каким-то партийным или идейным принципам. Наше исследование подтверждает ранее сделанное замечание о "флюгерности" политических предпочтений в значительной части таких регионов. Если и можно говорить об их политической позиции, то это позиция сохранения власти любыми средствами и при любых условиях. В том числе и позиция демонстративной лояльности к тому, кто сильнее. Аналогичные "флюгерные" изменения характеризуют ТИК Ингушетии, Калмыкии, в меньшей степени Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Резкие и глубокие перемены политических векторов от выборов к выборам - характерная черта регионов с "управляемым электоратом".

В то же время имеется группа не крупных в электоральном смысле и менее политически значимых территорий с "управляемым электоратом", которые сохраняют политическую ориентацию в течение продолжительного времени. Возможно, это удается им как раз в силу невысокой значимости на фоне общероссийских тенденций, которая позволяет Центру не обращать внимания на нотабилитеты данных регионов и получаемые там результаты. Такие субъекты Федерации, как Адыгея, Тыва, Чукотский автономный округ, сохраняя от выборов к выборам устойчивые признаки "электоральной управляемости", демонстрируют и верность прежней политической ориентации. В случае с Адыгеей - это коммунистическая ориентация, в случаях Тывы и автономных округов Севера - реформаторская. Впрочем, надо подчеркнуть, что такая позиция регионов определяется вполне ясно артикулированными интересами региональных элит.

Например, на выборах 1999 г. в Госдуму "управляемые" автономные округа нефтегазоносного Севера активно поддержали Наш дом - Россию - партию В. Черномырдина, пользующегося известностью крупнейшего лоббиста сырьевого экспорта. Тыва - родина влиятельного С. Шойгу, который в течение долгих лет ассоциировался с реформаторским политическим крылом федеральной власти и партией Единство. Коммунистические симпатии Адыгеи вполне естественно совпадают с ориентацией истеблишмента Краснодарского края, который окружает республику со всех сторон и определяет ее экономическое выживание.

В целом же на выборах-99 "административный ресурс" в разных регионах со всей очевидностью разошелся по трем партийным корзинам: Единство, КПРФ, Отечество-Вся Россия (ОВР). При этом блок ОВР свыше 30% своих голосов собрал именно на территориях с ярко выраженной особой электоральной культурой. В то время как КПРФ и Единство получили на таких территориях не более 15% голосов. Объяснение простое: ОВР был блоком сильных региональных лидеров - Ю. Лужкова, М. Шаймиева, М. Рахимова, Р. Аушева, М. Магомедова и др. Естественно, они по максимуму использовали конкурентные преимущества, которые им в 1999 г. обеспечивала особая электоральная культура подопечных территорий.

Можно сказать, что в 1999 г. партия "административного ресурса" в лице Лужкова -Примакова уступила более "свободной" партии Единство, которая для влияния на избирателя использовала иные средства - телевидение, свежий имидж своих молодых мобильных лидеров. Позже, вступив в союз с проигравшим ОВР, Единство создало партию Единая Россия, которая в политической борьбе все охотнее пользуется средствами из административного арсенала проигравшей стороны.

Оценивая политические ориентации территорий с особой электоральной культурой, приходится как факт признать, что заметная доля российского электората принадлежит не "левым", "правым", "центристам" или "националистам", а прагматичным региональным начальникам. По мере дальнейшего развития современной электоральной политики, ориентированной на административный ресурс, роль политических пристрастий избирателей, как, собственно, и вообще роль публичной политики, снижается. Возрастает и технологическое значение "особой электоральной культуры", имеющей тенденцию расширять свой ареал. Представляется, что в настоящий момент процесс приблизился к уровню насыщения: дальнейшее повышение роли административного ресурса и управ-

ляемости выборов невозможно без радикального изменения информационного фона и системы базовых социальных ценностей большинства населения России.

Тем не менее сегодня процесс идет в этом направлении. Сравнивая ареал политической поддержки Ельцина в 1996 г. с ареалами поддержки Путина в 2000 и 2004 гг., легко убедиться, что Ельцин концентрировал поддержку в городах (в основном, с низкой электоральной управляемостью), а сельские территории, сильно зависимые от настроений региональных нотабилитетов, весьма монолитно голосовали за Зюганова. Что касается Путина, то его поддержка в крупных городах снизилась относительно поддержки Ельцина на 2% - 3%, но при этом сильно возросла в сельских ТИК - до 15% - 20%. В сумме Путин оказался значительно более "провинциальным", с точки зрения географии поддержки, президентом, чем "городской" и даже "столичный" Ельцин. Соответственно, поддержка Путина относительно сместилась в ареалы "особой электоральной культуры". Политическая логика при таком развитии событий диктует Центру необходимость более четкого выстраивания отношений с региональными элитами, которые все очевиднее приобретают навыки управления электоральными процессами на местах.

Особая электоральная культура как политический ресурс

Сильные лидеры жестко управляемых регионов умело манипулируют своим пакетом "управляемого электората". Величина этого пакета варьирует от выборов к выборам. Выше было показано, что в ТИК с устойчивой "особой электоральной культурой" (индекс управляемости свыше 3000) зарегистрировано примерно 1,5 млн. избирателей (1,4% от общего числа избирателей РФ). При этом можно быть уверенным, что на выборы из них придут 80% и более. И проголосуют они тоже монолитно. Это своего рода верная электоральная гвардия нотабилитетов, тем более надежная и послушная, что, возможно, состоит не из живых людей, а просто из избирательных бюллетеней.

Если учитывать территории с индексом электоральной управляемости более 2000, то получается, что до четверти российских избирателей с большей или меньшей готовностью позволяют использовать свой голос в интересах региональных властей. Правда, голосовать из них пойдут лишь 60% - реальная отобюджетированность этой части электорального спектра заметно ниже.

Ясно, что и в самых "независимых" ТИК имеется некоторая доля голосов, контролируемых местной властью. Но, поскольку она статистически никак не проявляет себя на общем фоне (то есть не дает отклонения от средних по России цифр), мы вынуждены смириться с тем, что остается еще какая-то неподвластная учету доля "управляемого электората", скрытая в самом понятии среднероссийской нормы.

Важно подчеркнуть, что общее число ТИК с "особой электоральной культурой" при любых подходах и методических различиях не превышает 25%. Следовательно, недопустимы попытки экстраполировать данные, собранные в очагах "управляемого голосования", на соседние территории и на всю страну в целом. Надо помнить, что минимум 75% избирателей принадлежат к фоновому типу электоральной культуры и позволяют манипулировать своими голосами лишь до определенного предела. Правда, никто не знает, где расположен этот предел и что произойдет, когда он будет преодолен. Выборы потеряют смысл? Или будут смещены элиты, допустившие такое развитие событий? В любом случае, это будет некоторый социокультурный кризис.

В целом размеры "миноритарного пакета" политических акций, которым управляют местные нотабли, составляют 12% - 15% от общего числа избирателей России. Учитывая, что голоса из этого "пакета" отличаются весьма высокой мобилизацией, повышенной явкой, способностью монолитно поддерживать нужную политическую силу, - этот пакет является весьма серьезным политическим фактором, способным при эффективном управлении изменить расклад сил практически при любом федеральном голосовании.

Отсюда следует, что вопрос о взаимодействии Центра с региональными нотабилитетами - ключевой для дальнейшего развития или деградации избирательной системы Рос-

сии. По состоянию на 2006 г. очевидно, что Центр взял курс на сворачивание электорального потенциала регионов и усиление собственного административного ресурса. Можно сказать, что реализуется программа превращения России в единый сверхрегион "особой электоральной культуры", где результаты выборов определяются не столько предпочтениями избирателей, сколько эффективностью использования административных ресурсов и жесткостью исполнительной иерархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатская М. Н. Контурная карта электоральной России. Иркутск, 2003.

Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). М., 2000.

Петров Н. В., Титков А. С. Индекс демократичности. Россия регионов. Независимый институт социальной политики. М., 2005.

Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт - новый или старый? Парламентские выборы 1999 года в России // Pro et Contra. 2000. N 4.

Тикунов В. С. Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыт формальных классификаций). Москва-Смоленск, 1997.